

К ЭТИМОЛОГИИ ЛИТ. *JŪODAS* 'ЧЕРНЫЙ'

Замечанием, что «дальнейшая этимологизация лит. *jūodas* остается неясной», автор литовского этимологического словаря Эрнст Френкель¹ выразил отрицательное отношение к двум имеющимся попыткам объяснить происхождение лит. *jūodas* 'черный'. Х. Петерссон сопоставил его с греч. ἰλύς 'тина, грязь' и ст.-слав. илз, замечая при этом, что лит. *jūodas* восходит к праформе **iō-do-*, а и.-е. **ī-* в ἰλύς могло редуцироваться из **iō*². Х. Педерсен наделил это литовское слово индоевропейской древностью³, чтобы сблизить его с ирл. *adaig* 'ночь' и лат. *āter* 'черный' (согласно Педерсену, из **ādro-*).

В семантическом отношении возможны оба сближения: из и.-е. языков (и, по-видимому, не только из них) можно привести факты, указывающие на родственную связь семемы 'черный' как с 'ил, тина, грязь' (см. ниже), так и с 'ночь' (ср., например, др.-инд. *kr̥ṣṇás* 'черный': *kr̥ṣṇīṣ* 'ночь'; *śyāvā-* 'коричнево-черный': *śyāvī* 'ночь'). Эти гипотезы страдают недостатками фонетического характера. В словах, сопоставленных Х. Петерссоном, общим элементом является только один гласный **ī-*, что, естественно, делает это сопоставление крайне случайным. Хотя аблаут *ō:ā(:ə)* и возможен (ср., напр., φᾶμι: φωνή), но неясен ввиду своей изолированности. Случайность сопоставления литовского, ирландского и латинского слов, требующего признания согласного *j-* в начале литовского слова протетическим, по-видимому, была очевидна и самому автору, так как он говорит: «Mais, à ce que je sache, *jūodas* serait le premier exemple d'une prothèse devant i.-e. *ō*. Cependant il serait très difficile de réfuter l'hypothèse qui verrait dans cette circonstance un pur hasard»⁴. Все три балтийских языка свидетельствуют о том, что согласный *j-* в рассматриваемом слове, скорее всего, является этимологическим (см. ниже).

Существует еще одна попытка этимологизации лит. *jūodas*, оставшаяся неизвестной до последнего времени. Она принадлежит

¹ F r e n k e l, стр. 197.

² H. P e t e r s s o n. Studien über die indogermanische Heteroklisie. Lund, 1921, стр. 125. — Непонятно, почему Е. Френкель в указ. соч. приводит и.-е. **ōi-*, если Х. Петерссон ясно говорит об и.-е. **iō-*.

³ H. P e d e r s e n. Une étymologie Balto-Celtique. «Studi Baltici». III, 1933, стр. 69—71.

⁴ H. P e d e r s e n. Указ. соч., стр. 70.

талантливому литовскому языковеду Казимерасу Яунюсу (1848—1908), который в течение нескольких десятилетий занимался исследованием отношений балтийских и прибалтийско-финских языков. В своем словаре финского и балтийского языков, составленном в конце XIX в. или в начале XX в., он сблизил лит. *júodas* с фин. *joudahuttaa* 'ускорять', *joudatta* 'торопить', *joudukas* 'быстрый, скорый, проворный', греч. αἶθε 'зажигая; горю, пылаю' и лит. *judėti* 'двигаться', *jūdinti* 'двигать; трогать'⁵. Сближение с финскими данными, естественно, теперь представляет некоторый интерес только в типологическом плане или же в плане ностратической гипотезы⁶, греческое слово включается в другую семью лексем⁷, но сопоставление лит. *júodas* с лит. *judėti*, *jūdinti*, хотя и не аргументировано (правда, К. Яунюс для *júodas* исходил из **jôdho-s* 'ustus, niger', что вполне возможно как с фонетической, так и с семантической стороны), остается в силе и требует проверки.

На то, что лит. *júodas* 'черный' в настоящее время является совершенно изолированной лексемой, обратил внимание еще Х. Педерсен⁸: несомненные семантически близкие лексемы не были обнаружены ни в самом литовском языке, ни в ближайших родственных языках — латышском и древнепрусском. Однако и в них прежнее существование лексемы со значением 'черный' прослеживается в ее производных. Так, на то, что в латышском языке имелась эта лексема, недвусмысленно указывает лтш. *juodene* 'Bilsenkraut (hyoscyamus niger); eine gewisse schwarze Beere'⁹ (о лтш. *juōds* 'ein Waldteufel'. . . см. ниже). Вполне возможно, что в таких древнепрусских антропонимах и топонимах, как *Jode*, *Jodeyko*, *Joduko*, *Jodute* (антроп.), *Joduthen*, *Jodisakka* (топ.), как предполагается¹⁰, кроется прилагательное *jods* в значении 'черный', ср. тождество др.-прусск. *Jodeyko* = лит. *Juodeika*. Таким образом, *júodas*, имеющее соответствия в латышском и древнепрусском языках, восходит к глубокой древности, в чем получает свое объяснение полная его семантическая изолированность. Прибалтийская древность данной лексемы не умаляется тем обстоятельством, что балтийские языки имеют другие лексемы,

⁵ Рукописное наследие языковеда Казимераса Яунюса (Каталог и публикации). Вильнюс, 1971, стр. 241—242.

⁶ Ср. В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Опыт сравнения ностратических языков (Введение. Сравнительный словарь). М., 1971.

⁷ F r i s k I, стр. 37—38; в фонологическом отношении: R. В e e k e s. The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek. The Hague—Paris, 1969, стр. 50, 129.

⁸ Н. P e d e r s e n. Указ. соч., стр. 70.

⁹ M ü h l e n b a c h — E n d z e l i n II, стр. 125 (далее — МЕ); J. E n d z e l i n und E. H a u s e n b e r g I, стр. 570 (далее — ЕН).

¹⁰ G. G e r u l l i s. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin und Leipzig, 1922, стр. 51, 216; R. T r a u t m a n n. Die altpreußischen Personennamen Göttingen, 1925, стр. 39, 126, 160; J. E n d z e l i n s. Senprūsu valoda. Rīga, 1943, стр. 184.

тоже древние, обозначающие 'черный', ср. др.-прусск. *kirsnan* 'черный', лит. *kiřsnas* 'вороной', ст.-слав. чрѣнъ, др.-инд. *kṛṣnás* 'черный'; лтш. *melns* 'черный', др.-прусск. *melne* 'синяк', греч. μέλας 'черный'. В древние времена и у первобытных народов существовало, по-видимому, несколько наименований черного цвета, функционирование и содержание которых определялись обозначаемой конкретной реалией и конкретной языковой ситуацией. Собственно говоря, лошадь черной масти, или черная собака, или разлагавшееся потемневшее яблоко вряд ли в речи первобытного балтийца характеризовались одним и тем же эпитетом. Поэтому возможность существования нескольких обозначений черного цвета не имеет в себе ничего странного.

В этимологическом прояснении лит. *júodas* чрезвычайно важную приобретает тот до сих пор не замеченный факт, что в восточных говорах литовского языка, в окрестностях населенного пункта Таурагнай (Утенайский район), засвидетельствован глагол *jūdėti* (праес. *jūdi*) 'чернеть'¹¹. Ни корневой вокализм *ū*, ни само существование этой лексемы не вызывают никаких сомнений, так как она зафиксирована всегда аккуратным в записывании слов К. Бугой, и притом в тех говорах, в которых монофтонгизация дифтонга *uo* не констатируется. Вряд ли можно также предполагать здесь какое-то аналогическое преобразование регулярного глагола *juodúoti* 'чернеть', деноминатива от *júodas*, потому что соотношение *júodas*: *jūdėti* является в лексико-семантической системе литовского языка вполне регулярным, ср. *čiuožas* 'след (в траве, посеве)': *čiūžėti* 'ползать; топтать, растаптывать'; *dūobas, dūoba* 'дупло': *dūbėti* 'вваливаться, впадать; про-, издырявливаясь'; *júosta* 'пояс': *jūsėti* 'носить, подпоясываться'; *slúogas* 'гнет; тяжесть, груз': *slūgėtis* 'вдавливаться, сжиматься' и др.¹²

Поэтому единственным правдоподобным допущением было бы усмотреть в этом глаголе остаток пласта лексем, имевших корень *jūd-* и сегменты содержания, связанные семемой 'черный'. Глагол *jūdėti* указывает на направление, в котором должны вестись поиски родственных лексем.

В говорах литовского языка, преимущественно жемайтских, зафиксированы лексемы *jūdroš, jūdrės* 'die schwärzlichen Scheidezähne des Pferdes, nach denen man dessen Alter schätzt'. В латышском языке им соответствуют *judra* 'das Korn in den Zähnen der Pferde'. ME II 115, *judre* 'eine kleine Vertiefung in den Vorderzähnen eines Pferdes' ЕН I 566. О том, что эти латышские слова употребляются в аналогичных контекстах, что и соответствующие литовские слова, свидетельствует следующий фрагмент: *piecu gadu vecumā zirgam vairs nau piena zuobu, bet tikai istie.*

¹¹ «Lietuvių kalbos žodynas», IV. Вильнюс, 1957, стр. 367 (далее — LKZ).

¹² См.: «Lietuvių kalbotyros klausimai» XIV. Vilnius, 1973, стр. 36—37, 67, 95, 100—101.

Šuo istuo priekšzuobu gali izskatās gareniski apaļi, vidū tiem iemelnas bedrites (judras) «у лошади пяти лет нет больше молочных зубов, но только коренные. Концы этих передних зубов в поперечнике выглядят круглыми, внутри черноватые ямки, т. е. judras» ME II 115. Для наших целей здесь важно то, что и в литовском, и в латышском языках появляется сегмент плана содержания 'черноватый, темноватый', ср. лит. *jūdroš, jūdrės* 'die schwärzlichen Schneidezähne. . .', лтш. . . *iemelnas bedrites (judras)* '...черноватые ямки'. Ввиду этого представляется возможным лит. *jūdroš, jūdrės*, лтш. *judra, judre* сопоставить с рассматриваемыми лексемами лит. *jūodas jūdēti*.

С другой стороны, лтш. *judra, judre* обнаруживают непосредственную семантическую связь с такими лексемами, как *judre* (диал. *juder*) 'das angefaulte Innere einer Fichte', *judras kuoks* 'ein im Kern ausgefaulter Baum', *judraīns* 'in der Mitte ausgefault' ME II 115. *judrs* 'vermodert, weich, porös' ЕН I 566. Таким образом, в плане содержания латышских лексем, имеющих сегмент плана выражения *judr-*, мы находим сегмент 'черн(оват)ый', с одной стороны, и сегмент 'выгнивший, истлевший' — с другой. Эта констатация наводит на мысль о том, что семема 'черный, темный' своим происхождением, по-видимому, связана с сегментами плана содержания 'прогнивший, истлевший; гнилой, тухлый', 'гнить, тлеть; портиться, распадаться'. В подтверждение этого можно привести некоторые параллели аналогичного семантического развития. Наряду с лит. *gėsti* (праес. *geñda*) 'портиться' имеется *į-gėsti* 'попортиться; немного прогнить; почернеть; вкраситься'. Сегменты 'почернеть; вкраситься' хорошо выражаются в следующем контексте: *Igedo (gijas bedažant, žoles beraunant) rankos — negaliu numazgoti* LKŽ III 277 [Почернели, т. е. испортились, руки (при крашении, вырывании трав) — не могу отмыть]. Лтш. *trusēt* означает не только 'faulen, modern', но и 'braun, fleckig werden (von Kartoffeln)'. От этого глагола или от *trust* (праес. *trus'u*) 'faulen, modern' при помощи суффикса *-l* образованы в латышском два производных — I *trusls* 'faul, vermodert' и II *trusls* 'цвет, похожий на цвет ольхи' ME IV 248—9. Лит. *dujà* 'морось, мгла; газ; истлевшая, разложившаяся вещь' в латышском соответствует *dujs* 'schmutzig graubraun'. Соответствиями лтш. *tilēt* (праес. *-u, -ēju*) 'bleichen (von Flachs, Hanf)' и *tilt*² (*tilstu, tilu*) 'weich werden, verwittern (vom Flachs)' являются в славянских языках лексемы, полностью предназначенные для выражения гниения, разложения, тления; ср. др.-русск. *тълѣти, -ѣю, тьлѣти, тьлю* 'портиться', ст.-слав. *тлѣти* 'гнить'¹³. При таком положении вещей следовало бы подумать об этимологической связи загадочного русск. *гнедой* '(о лошади и некоторых других животных, например туре, лосе) темно-рыжей шерсти или масти с черным хвостом и гривой' (Даль² I 362)

¹³ Ф а с м е р IV, стр. 64,

и его соответствий в других славянских языках с корнем, представленным в глаголе русск. *гнить*, ст.-слав. *гниги* и др. Следовательно, из сегментов содержания 'прогнивший, истлевший, гнилой, тухлый', 'гнить, тлеть; портиться, распадаться' могут возникнуть сегменты содержания, ассоциирующиеся с определенными оттенками цветов: темного, черного, коричневого, бледного. Если так, то становится понятным, почему сегмент плана выражения *judr-* в литовском и латышском языках был использован для наименования определенных растений [*Camelina (sativa)* и др.], ср. лит. *judrà* 'рыжик', *jùdros* 'рыжики', *judrėlė* '*Lepidium sativum*' LKŽ IV 372, лтш. *judras, judres, judri* 'Leindotter (*camelina sativa*)' ME II 115, *jūdra* 'Leindotter' EH I 558.

Имена существительные лит. *judrà*, лтш. *judra* (с поздним преобразованием путем аналогии окончания *-a* в *-e*, ср. лит. *judrė*, лтш. *judre*) могут быть субстантивированными формами прилагательного, ср. лтш. *judrs*, ж. р. *judra* или, — что более правдоподобно, — вместе с *judrs* и *jūdra* 'Leindotter' при помощи суффикса *-r-* образованы от глаголов *jud-* 'гнить, тлеть; тухнуть, протухать, портиться', *jūd-* 'делаться темным, черным', ср. лит. *beñdras* '(nomen) соучастник', '(adj.) общий', *bendrė* 'общий луг', лтш. *biedrs* 'товарищ': др.-инд. *bandhati* 'связывает'; лит. *mīšras* 'смешанный': *mīšti* 'смешиваться', *mīėšti* 'разбавлять, разводить'; лит. *kaitrà* 'жара, зной': *kaisti* 'ставить на огонь, греть, нагревать' и др.¹⁴

Аналогичную словообразовательную модель представляет и лит. *judra* 'вихрь' (без ударения), зафиксированное в середине XIX в. Семантически оно относится как к корню *jud-* 'гнить, тлеть; распадаться, портиться' (ср. лит. *dvōkti* 'вонять, издавать зловоние; гнить, портиться, испуская зловоние', 'дуть, веять'; лтш. *dvaga* 'Dunst, schlechter Geruch', 'der Zugwind'), так и к глаголам лит. *jāudytis* (praes. *-osi*) 'шалить, баловаться, озорничать, шуметь, схватываться; гневаться, злиться, браниться, ругаться', *jāustis* (praes. *-džiasi*) 'браниться, ссориться; упрямиться' (ср. лит. *āudra* 'буря': лтш. *āūdrums* 'ein ausgelassenes, wildes, unbändiges Kind, ein solcher Mensch'). К *judra* 'вихрь' непосредственно примыкает лит. *jāudra* 'буря', слово, известное южным наречиям литовского языка (Лишкява, Пяляса). Если оно не имеет протетического *j-* (ср. общепотребительное *āudra* 'буря'; ср. *avižà* 'овес': диал. *javižà* то же), то при помощи суффикса *-r-* оно может быть образовано от глаголов *jāustis, jāudytis*. Что последняя возможность более правдоподобна, показывает *jāudra* 'подзол', своим планом выражения идентичное слову *jāudra* 'буря'; *jāudra* 'подзол' семантически тоже, по-видимому, соотносится с *jud-* 'гнить, тлеть, портиться, разлагаться', так как семантическое

¹⁴ P. S k a r d ž i u s. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 298 и след.

отношение между *jáudra* 'подзол': *judrs* 'vermodert, weich, porös' повторяется в лит. *jáura* 'подзол; топкое место, трясина; болото; пески с суглинком': *jūrti* (праес. *jūra*) 'распадаться; разваливаться, разлагаться, разрушаться; смешиваться' (семасиологически ср. словен. *urna zemlja* 'рыхлая земля' при *uren* 'гибкий, податливый', *úriti*, *úrim* 'упражняться', 'ускорять', 'созревать'¹⁵). Следовательно, лит. *jáudra*, лтш. *judrs* и все остальные здесь рассматриваемые слова, с одной стороны, и лит. *jáura*, *jūrti* — с другой, являются, по-видимому, однокоренными; иными словами, вся эта группа лексем, имеющих форманты *-d-*, *-r-*, восходит, как кажется, к корню, представленному в глаголах лит. *jáuti* (*jáuna*, *jóvė*) 'смешивать; перемешивать', лтш. *jaut* (праес. *jāunu*, *jāuju*, праet. *jāyu*, *javu*) 'mischen, (Teig) einrühren'¹⁶.

Такое положение вещей позволяет выявить дополнительные семантические связи. Как видно, некоторые лексемы, принадлежащие к этому корню, напр. *jáura*, *jáudra*, *judrs*, употребляются для наименования топких мест, болот, песков и подзола и их свойств. Чтобы убедиться в том, что наименования болот и наименования определенных цветов исторически взаимосвязаны, достаточно вспомнить классические исследования В. Шульце¹⁷. В изучаемых лексемах как раз и выражаются не только черный, темный (ср. лит. *jūodas*, *jūdėti*, *jūdro* и др.), но и желтый цвет (ср. *Jūdro geltonai žydinčios auga linuose* «Рыжик, желто цветущий, растет во льне»). Таким образом, лексемы *jūodas*, *jūdėti*, *judra*, *judre*, *jūdro*, *jūdrės* литовского и латышского языков, обозначающие черный и желтый цвета, представляют двоякую связь с остальными лексемами: через сегменты содержания 'прогнивший, истлевший, гнилой, тухлый' и через сегменты 'топкое место, болото; пески, подзол'.

Здесь целесообразно указать на то, что рассматриваемые лексемы имеют точки семантического соприкосновения (ср. семантическую связь *jáudra* с *jáudytis*, *jáustis*, см. выше; относительно связи *jud-* 'гнить, тлеть; портиться, распадаться' и *jáudytis* 'гневаться, злиться, браниться, ругаться' ср. русск. диал. *гнев* 'гниль', русск.-цслав. *gnъвъ* 'гниль') с такими лексемами, как *jáustis* (праес. *-džiasi*) 'браниться, ссориться; упрямиться', *jáudytis* (праес. *-osi*) 'шалить, баловаться, озорничать, шуметь, схватываться; гневаться, злиться, браниться, ругаться', *jáudyti* (праес. *-o*), *jáudinti* 'волновать, возбуждать', лтш. *jaudīt* 'bewegen', лит. *jūdėti* (праес. *jūda*) 'двигаться, шевелиться', лтш. *judēt* 'sich bewegen; laufen, eilen', лит. *jūdinti* 'двигать; шевелить; трогать',

¹⁵ Л. В. Куркина. Славянские этимологии. «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 72.

¹⁶ О них и соответствиях в других и.-е. языках см.: Роконгу, стр. 507; Frenkel, стр. 191.

¹⁷ W. Schulze. Kleine Schriften. Göttingen, 1933, стр. 111 и след.

judrūs 'подвижной, подвижный; резвый', *jaudrūs* 'возбудимый'¹⁸.

Эго явление объясняется, по-видимому, тем, что лексемы *jáustis*, *jáudyti(s)*, *jaudīt*, *judēti*, *judēt* и т. д. тоже могут восходить к корню, представленному *jáuti*, *jaut* 'mischen, (Teig) einrühren', ср. лит. *meišti* 'мешаться, вертеться, двигаться, ходить сюда или туда, бегать', *maišyti* 'мешать, перемешивать, смешивать'; нем. *rühren* 'двигать, шевелить', 'мешать, помешивать' (ср. den Brei rühren, in dem Brei rühren); англ. *stir* 'шевелить(ся); двигать(ся)', 'волновать, возбуждать', 'мешать, помешивать, размешивать'.

Кроме того, в отдельных случаях наблюдается сосуществование сегментов содержания 'гнить, тлеть; портиться, распадаться', 'двигать(ся)', 'шалить, баловаться, озорничать, шуметь', 'гневаться, злиться, браниться, ругаться'; ср. лит. *dūlėti* (праес. *dūla*) 'тлеть; истлевать; трухляветь', *pri-dūlėti* 'подкрасться, подкрадываться', *dūlinti* 'идти потихоньку, брести, плестись'; *gėsti* (праес. *geñda*) 'гнить, портиться; трогаться, (за)двигаться, (за)шевелиться, беситься, бушевать'; *dvōkti* (праес. *dvākia*) 'вонять, издавать зловоние; гнить, портиться, испуская зловоние', *dvokėtis* 'выдыхаться', лтш. *dvaka* 'übler Geruch, schlechte Luft', *dvakuôt* 'stinken', *dvaga* 'Dunst, schlechter Geruch; der Zugwind', лит. *dūkti* 'выдыхаться; гневаться, злиться; беситься, шалить, озорничать, шуметь', лтш. *dūkt* 'ohne Sorgen sein; sich trüben', *dukt* 'matt, abegemattet sein', *dugt* 'dunstig, trübe, finster, böse werden', *dugātis* 'verderben, schimmeln (von Speisen)', *duga* 'schlechter Beigeschmak oder übler Geruch von Speisen; ein zäher, auf dem Wasser schwimmender Schleim, Schlamm'.

Таким образом, лит. *jūodas* 'черный' с его соответствиями в латышском и древне-прусском языках (ср. лтш. *juodene* '...eine gewisse schwarze Beere', др.-прусск. *Jode*, *Jodeyko* и т. д.) в силу привлеченных данных перестает быть изолированным и включается в целый круг родственных лексем. Поэтому предположение К. Яунюса, как кажется, было небезосновательно — лит. *jūodas*, следовательно, восходит, видимо, к праформе **jōud-*, алломорфа которой в редуцированной ступени аблаута была *jūd-*, ср. лит. *jūdėti* 'чернеть'. В качестве аргумента к этому можно привести лтш. *juōdinat* 'jem. zu etwas antreiben, an etwas erinnern' ME II 125, которое через **jōud-* связывается с лтш. *jaudīt* 'bewegen', *jūdīt* 'langsam treiben; unruhig machen', *jūdīt* 'zanken machen, verhetzen', *judēt* 'sich bewegen; laufen, eilen'. В развитии праформы **jōud-* в *juod-* существовала, по-видимому, промежуточная стадия **jōd-*, отражающаяся, может быть, в древне-прусских лексемах с *Jod-*.

¹⁸ Корень *jud-* 'двигать(ся)', как кажется, имелся и в древнепрусском языке; ср. антропонимы *Jude* (ср. лит. *Judis*, *Judys*), *Judico* (ср. *Judikis*, *Judeika*), *Judel* (ср. лит. *Judelis*, *Judėla*), *Judenne* (ср. лит. *Judinas*).

Ввиду включения лит. *jūodas* 'черный' в лексический круг, к которому относятся также *judėti, judēt* 'двигаться' и другие указанные лексемы, в новом свете может представляться лтш. *juōds* 'ein Waldteufel, ein Feldteufel; ein böser Geist, in der Vorstellung des Volkes nicht immer vom Teufel (velns) unterschieden' ME II 125, обычно сопоставляемое с лит. *jūodas* 'черный'¹⁹: семасиологически такое сопоставление вполне возможно, ср. лит. *juodasis, jūodasis, juodskis, juodžius* 'черт (собств. черный)', однако следует иметь в виду и то, что подобные семантические признаки позднее могли быть приписаны христианством. Непосредственное сопоставление лтш. *juōds* с *jaudīt, jūdīt, judēt* проясняло бы характеристики этого демона, представленные в народном веровании: *bargā laikā Kurzemē saka: Perkuons juodus gainā. Ziemeļa blāzmai plevinuoties saka: juodi kaujas, kaŗa ļauŗu dvēseles kaujas* «во время грозы в Курземе говорят: Перкун чертей гоняет. Когда играет северное сияние, говорят: черти дерутся, души воинов бьются» ME II 125, ср. лит. *jāustis, -džiasi* 'браниться, ссориться; упрячиться'. Семантические признаки 'Wald-, Feld-' латышского демона в таком случае объяснялись бы планом содержания лексемы *jāudra* 'подзол' (ср. еще однокоренное *jāura* 'подзол, топкое место, трясина; болото; пески с суглинком').

Если учесть связь лтш. *juōds* 'черт' с корнем *jud-* 'гнить, тлеть; тухнуть, протухать, портиться', а также ассоциацию черта в балтийской мифологии с царством усопших²⁰ (ср. еще лит. *vėlnias* лтш. *veļns*), то получает объяснение непонятное с первого взгляда специфическое значение лтш. *juod*, мн. *juodi* 'души убитых на войне' (семасиологически ср. др.-исл. *valr* 'убитый на поле боя': др.-лит. *velinas*, лит. *vėlnias*, лтш. *veļns* 'черт').

Не случайно и то, что, наряду с *juōds*, как уже указывалось (см. выше), существуют лексемы *judra* 'вихрь' и *jāudra* 'буря'. Сосуществование значений 'черт' и 'вихрь', 'буря' хорошо согласуется с распространенным мотивом литовских сказок о появлении и исчезновении черта, сопровождаемом всегда ветром, вихрем и грозой²¹. Аналогичные представления находим и в славянской мифологии²².

При таком положении вещей на сравнение с лтш. *juōds* невольно напрашивается болг. *юдя* 'зла самодива, която се носи на вих-

¹⁹ П. Шмитс (см. P. Šmits. *Latvieŗu mītoliģija. Otrs pārstrādāts izdevums. Rīga, 1926, стр. 62*) отрицает связь с лит. *jūodas* 'черный' и считает лтш. *juōds* странствующим культурным словом, происходящим, как и эст. *juudas*, фин. *juutas* 'черт', из библейского имени 'Ιουδαϊ 'Иуда'.

²⁰ V. V. Ivanov, V. N. Todorov. *A Comparative Study of the Group of Baltic Mythological Terms from the Root *vel-*. «Baltistica», IX, 1973, стр. 15 и след.

²¹ Из последних работ ср.: A. Seseļskytė. «Vėlnias ir mergina pirtyje» lietuvų liaudies pasakojamojoje tradicijoje. «Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai», A serija, 1 (42) t., 1973, стр. 191.

²² K. Moszyński. *Kultura ludowa Słowian. T. II, część 1. Warszawa, 1967, стр. 473, 476.*

рушка из въздуха' (ср. еще укр. *юда* 'род злого духа, нечистой силы'), наряду с которым существуют глаголы *юдя* 'мамя, подмамвам, изкушавам', *юдя се* 'плезя се, кривя се, правя грозни гримаси'²³. Слав. **juditi* (болг. *юдя*, укр. *юдити* 'искушать, соблазнять, подстрекать, натравливать', блр. *юдзиць* 'поступать лицемерно; чернить, клеветать', польск. *judzić* 'подстрекать; подзуживать, науськивать, натравливать', словен. *júdati* 'дурно обращаться с кем, *júdati se* 'ссориться; биться, драться') и балт. *jáustis*, *jáudyti(s)*, *jaudit* являются родственными лексемами²⁴. Так же, по-видимому, следует объяснить и глубокий параллелизм между болг. *юдя* 'зла самодива. . .', укр. *юда* 'род злого духа. . .' (из **joud-*) и лтш. *juōds* 'ein Waldteufel. . .' (из **jōud-*)²⁵.

²³ Л. Андрейчин, Л. Георгиев и др. Български тълковен речник, изд. 2. София, 1963, стр. 1016.

²⁴ Sławski I, стр. 1016.

²⁵ Семантическое отношение между *юдя*, *юда* и **juditi* повторяется в лексемах слав. **črtъ* 'черт' и словен. *čft* 'черт, ненависть, вражда', *čftiti* 'ненавидеть', сербо-хорв. *črtити*, *črtîм* 'заклинать, клясть', что вряд ли обоснованно пытается опровергать Г. Шустер-Шевц (см.: Н. Schuster-Šewc. Slawische Etymologien. 1. Zur ursprünglichen Bedeutung von slaw. **čftъ* «Teufel». — ZfSl, XVI, 1971, стр. 371), тем более что аналогичные значения обнаруживают балтийские лексемы *juōds* и *jaudit*, *jáudyti(s)*, *jáustis*. Со словен. *čftiti*, сербохорв. *črtити*, возможно, соотносятся лит. *kirténtis* 'биться, драться', *kerténtis* 'устраивать драку; шалить, баловаться, озорничать', *kirtėti* 'несколько жать' и, наконец, *kirsti* (праес. *keřta*) 'рубить; жать; кусать; ударять', лтш. *cirst* (праес. *cērtu*) 'рубить, ударять', возвратные формы которых дают искомое значение 'биться, драться'.